

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения



Иван Сергеевич Аксаков

Современное состояние и задачи христианства

«Много нападений выдержала и одолела христианская религия в течение девятнадцати веков: некоторые из них были яростнее – ни одно не представляло такой важности, как выдерживаемое ею в наше время...»

Иван Сергеевич Аксаков
Современное состояние и
задачи христианства

*По поводу книги Гизо «Размышления о сущности
христианской религии»*

«Много нападений выдержала и одолела христианская религия в течение девятнадцати веков: некоторые из них были яростнее – ни одно не представляло такой важности, как выдерживаемое ею в наше время».

Таковыми словами начинается помещенный в июльской книжке «Revue des Deux Mondes» отрывок из нового сочинения Гизо, которое если еще не вышло, то имеет скоро явиться в свет под заглавием «*Размышления о сущности христианской религии*» (Meditations sur l'essence de la religion chretienne)[1]. Судя по отрывку и по изложенной в нем программе сочинения, оно исполнено самого живого, *современного* европейского интереса, – не потому только, что оно принадлежит благородной личности Гизо, едва ли не самой почтенной и симпатичной из всех французов – ученых, мыслителей, публицистов, – но потому особенно, что вопросы религиозные снова выдвинуты историей на первый план – историей внешних событий и историей внутреннего развития человечества, как в живых осязательных исторических явлениях, так и в новейших фактах положительной науки и от-

влеченного мышления. В самом деле, что представляет нам современная история Запада? Светская власть папы висит, так сказать, на волоске и поддерживается в Риме одним или двумя десятками тысяч французских штыков, а между тем с вопросом о светской власти папы связана судьба не христианской религии, конечно, но всего латинского католичества, той церковной державы, которую воздвиг Рим на развалинах всемирной империи и на которую перенес он и свое стремление ко всемирному господству, и идею всемирного государства, и тип выработанной им внешней государственной организации. Что станет с западным миром, если рухнет престол римского папы? Что сменит это связующее и организующее начало великой западной церкви, и вместе с тем историческое начало народов католического исповедания? Чем наполнится пустота, которая мгновенно водворится в мире с падением папы? Ибо римский папа, вне светской своей власти и притязаний на эту власть или даже добровольно отрекшийся от них, немислим, то есть перестанет уже быть тем папою, каким

создала его история и который есть жизненная сила латинской церкви.

Мы видим, в настоящее время, странное небывалое зрелище: целые королевства и области отлученные папой от церкви; короля и целый народ – осужденных церковного клятвою, а между тем и король, и народ, отвергшие принцип светской власти папы, не только не отреклись от христианского верования, но продолжают называть и считать себя католиками и верными сынами латинской церкви. Нельзя не сознаться, что подобное явление *папизма* – без *папы*, или *минус папа*, в высшей степени нелогично, а потому и уродливо. Такое двусмысленное, неопределенное положение не может же однако быть очень продолжительно; такое самопроизвольное, внешнее отрицание главнейших пунктов латинско-церковной догматики нуждается во внутреннем оправдании, в гласном одобрении и освящении народной совести, в точнейшем определении своего собственного исповедания веры. Если же этого в скором времени совершено не будет (а совершиться ему трудно), то это противоречие, эта непоследо-

вательность, внесенная в область католической веры, ляжет тяжким гнетом на мысль и чувство итальянского народа, и неудержимая потребность логической правды или произведет реакцию в пользу папы, или же заставит итальянцев приискать новую почву, новые основания – для *нового* вероисповедания. Обратятся ли они к готовой, хотя и устаревшей формуле германского протестантства (устаревшей потому, что протестантство в своем развитии далеко оставило за собой лютерову догматику, а новые его формулы почти неуловимы), или же обратятся к древнейшим неповрежденным преданиям, сохранившимся на Востоке, мы не знаем, но очевидно, что колеблющийся трон римского первосвященника колеблет, вместе с собою, и судьбу целых народов. Очевидно, что Италии и всему миру, в котором латинство явилось просветительным и организующим историческим началом, грозит такой переворот, которого пределов не может усмотреть умственный взор человека, и от одной мысли о котором захватывает дыхание...

Далее. Гордая твердыня ислама дрогнула и

потряслась в своих основаниях. Она уже не может, как прежде, слыть неприступной. Мы разумеем здесь недавно обнаружившиеся успехи протестантской проповеди между мусульманами в Турции, из которых более трех тысяч человек приняли христианство по исповеданию Англиканской церкви. Если бы даже это обращение было случайным, отдельным явлением, то и тогда оно достойно полного внимания и возбуждает целый ряд невольных вопросов: почему же не православию и не латинству досталась эта победа, каким образом рационализм протестантства мог прийтись по сердцу «пламенному жителю Востока» и пр., и пр.? Странно, что в нашей духовной журналистике мы не встречали до сих пор статьи, посвященной обсуждению этих вопросов!.. Если же это обращение мусульман в протестантство не есть, как говорится, «изолированный факт», а свидетельствует о том, что духовный авторитет ислама действительно поколеблен в своем основании, то это событие приобретает еще более важности и также неизмеримо по своим мировым последствиям. Заметим кстати, что в

то самое время, как философские школы Европы стараются создать или узаконить существование общечеловеческой цивилизации вне христианского и вообще вне всякого религиозного верования, – в то самое время, та же самая Европа рукоплещет, с искреннею и серьезною радостью, успехам христианской проповеди на Востоке и хором провозглашает в своих газетах и журналах, как старую известную аксиому, что истинное плодотворное просвещение возможно только на почве христианства и ни на какой другой... Вот два события, принадлежащие к области внешних исторических фактов, которые дают новую силу вопросам религиозным; нужно ли же говорить о том, что совершается в среде самого христианского общества, в области его внутренней интеллектуальной жизни? Опустошение, производимое в умах и душах человеческих успехами материализма, дух отрицания, с его страстными усилиями подрывать под самый корень веры, под ту самую силу, которую *солится соль*, – нравственное разложение общества и ослабление тех бытовых основ, которыми оно доселе держалось; все это

придало новую жизнь старой борьбе между верою и неверием, борьбе, на некоторое время утихшей под господством общего индифферентизма.

Настоящие нападения – это уже не легкомысленное кощунство XVIII века, не грубые насилия революционного фанатического атеизма – это топор и пила научного факта и анализа, врубившиеся и впившиеся, по-видимому, в самую сердцевину христианского дуба! Человек опять поставлен лицом к лицу с коренными, основными, существенными задачами своего бытия – и все вопросы науки, мысли, знания, политические и социальные, примыкают вновь неотвратимо к вопросу религиозному. Его нельзя ни обойти, ни миновать, как бывало прежде, – да и не следует. Справедливо замечает Гизо: «Эти верховные задачи, ныне вновь возбуждаемые, не суть вопросы науки для человека, но вопросы жизни: в виду их, приходится сказать, как Гамлет: быть или не быть – вот вопрос. Посмотрим теперь, как обрисовывает сам Гизо современное поле борьбы и, так сказать, военную позицию обоих станов, и приведем несколько

подлинных мест из упомянутого нами отрывка... Делаем это особенно потому, что нам, русским, не мешало бы кое-что из приводимого здесь – принять к нашему особенному сведению».

«В течение 18 веков, – говорит Гизо, – христиане были поочередно то гонимыми, то гонителями; гонимыми как христиане – и гонителями нехристиан, или даже друг друга, между собою, внутри пределов христианского общества. Преследование было, смотря по месту и времени, более или менее непреклонно, более или менее действительно, но несмотря на все различие церквей, государственных форм и наказаний, на преобладание строгости или мягкости в приложении, принцип однако же оставался один и тот же. Претерпев мученичество и гонение под скипетром языческих императоров, христианская религия жила, в свою очередь, под стражею гражданского закона, защищаемая оружием светской власти.

Она живет теперь перед лицом и в присутствии свободы (*en presence de la liberte*). Она имеет дело с свободною мыслью, с свободным

суждением. Ей приходится теперь защищаться уже самой, самой охранять себя, свидетельствовать непрестанно, и против всякого встречного, свою истину нравственную и историческую, свое право на разум и душу человеческую. Католики, протестанты, жидаы, христиане и философы – все теперь, по крайней мере между нами (во Франции), ограждены от всякого преследования; наружное выражение верования равно свободно для каждого. Свобода религиозная, то есть свобода верить, верить различно или вовсе не верить, еще не вполне принята и обеспечена в разных государствах, но очевидно, что она более и более становится всеобщим фактом и станет отныне обычным правом просвещенного мира. Одна из причин, дающих такое могущественное значение этому факту, – та именно, что он не одинок; он состоит в связи с великою умственной и социальной революциею, которая, после многовекового брожения, разразилась и совершается в наши дни. Дух науки, преобладание демократического начала и политическая свобода – вот существенные черты и неотвратимые влечения этой револю-

ции. Эти новые могучие власти могут впасть в громадные вины, совершить громадные ошибки, за которые им всякий раз придется жестоко расплачиваться, но они уже окончательно утвердились в современном обществе. Это те отныне господствующие явления, к которым должны будут прилаживаться все политические учреждения и с которыми всем нравственным властям (*toutes les autorités morales*) нужно будет жить в мире. Христианская религия не избавлена от этого испытания; она преодолет его, как преодолела множество других».

Мы заметим здесь, что нам кажется не совсем верным или точным в словах Гизо. Он противопоставляет христианской религии факты, по его выражению, «интеллектуальной и социальной революции» как что-то от религии совершенно отдельное, независимое, что-то ей чуждое и такое, с чем ей, как бы *волей-неволей*, приходится считаться. Было бы еще понятно, если б вместо слов «христианская религия» он сказал «церковность», или «церковь в ее историческом значении». Мы же думаем, что те факты духовной и социаль-

ной среды, которые разумеет Гизо, не вполне самостоятельные явления, а произошли сами от более или менее сильного напора (импульса) христианской идеи, живущей и действующей в нравственном сознании человечества. Однажды явившись в мир, она не может погибнуть и продолжает жить и творить, большей частью неузнаваемая, отрицаемая, но воплощаемая, отчасти в целом последовательном ряду исторических явлений, обусловленных законами места, времени, конечности и человеческого несовершенства. Она как зерно, павшее в землю, в земле прозябающее и туго, медленно поднимающее свой стебель сквозь тернии, сор и плевелы. Эта христианская идея нередко (особенно на Западе) была совершенно заслоняема внешнею церковью, нередко состояла в прямом с нею противоречии и потому-то нередко прорывалась в людях к жизни путем извращенным, не христианским путем отрицания, насилия и революции. Вспомним известную революционную формулу (*братство, равенство* и пр.), которая немислима в древнем мире, которая дана миру Евангелием и которую революцио-

неры выставили на своем знамени – разумеется исказив ее смысл и неистовствуя безумно против Евангелия же! Таким образом, все те «факты», о которых говорит Гизо, едва ли могут быть противоположаемы христианству, как явления вполне независимые от христианской идеи. Христианской религии не нужно делать никаких уступок, чтоб *жить в мире* с свободою слова и мнения, с полноправностью всех граждан без различия и пр. Ей нужно только быть в согласии с самой собой.

Все, что только способствует освобождению духа человеческого от внешнего гнета, ей не только не страшно и не *опасно*, но желанно и радостно... Впрочем, вероятно, Гизо имел здесь в виду только очертить внешним образом настоящее взаимное отношение явлений, как они существуют для ежедневного понимания. И действительно – главнейшая опасность заключается в неверном понимании христианства со стороны официальных защитников христианства. Гизо верит, что христианская религия выдержит всяческое испытание, но вот что говорит он далее: «Дело крайней важности и необходимости, чтоб

христиане не обольщались на счет предстоящей им борьбы, на счет ее опасностей и тех *орудий*, которые им возможно будет употребить в дело... Нападение, направленное теперь на христианскую религию – нападение пламенное и совершаемое то с грубым фанатизмом, то с хитрым искусством, то во имя самых низких страстей, то во имя самых искренних убеждений; иные (на Западе) оспаривают ее как лживую, другие отвергают ее как слишком требовательную и стеснительную, – большая часть страшится ее, как тирании. Не скоро забываются несправедливый суд и страдания, не легко излечиваются от боязни! Воспоминания о религиозных гонениях еще живы и еще продолжают питать во множестве умов злые предубеждения и жгучие опасения. Христиане, с своей стороны, с трудом допускают новое социальное положение и с трудом прилаживаются к нему; они на каждом шагу чувствуют себя оскорбленными, раздраженными, испуганными – от мыслей и речей, раздающихся в обществе. Не легко перейти от привилегии к общности права, и от господства к свободе! Нельзя, видно, без осо-

бренных над собою усилий покориться свободе дерзкого противоречия и необходимости постоянно защищаться, постоянно одолевать!

Действие свободы еще страстнее и чувствительнее в области религиозной, чем в политической; верующим еще труднее сносить неверующих, чем правительствам оппозицию. И, однако же, они к тому вынуждены обстоятельствами, – они уже нигде, как только в свободе суждения и воспользовавшись всею полнотою своей собственной свободы, могут обрести нужную им силу, чтоб возвыситься над опасностями и сделать тщетными нападения своих яростных противников». Если вместо выражения *христианская религия*, мы поставим – церковь, в смысле иерархического правительственного института и в смысле внешнего авторитета, – или же наконец и самую религию будем здесь разуметь в том виде и на той степени развития, как она проявляется в обиходном сознании большинства (как духовенства, так и мирян), то нельзя не признать, что Гизо с поразительною верно-стью определил настоящее положение дела, настоящие опасности, грозящие торжеству

христианской истины, и так сказать ткнул пальцем в самые болезненные места современного христианского общества. В самом деле, победа может остаться за христианской истиной только тогда, когда защитники этой истины будут вполне ей верны и будут защищать ее единым соответственным ее достоинству орудием, когда они убедятся, что только *в свободе суждения, в свободе совести и воспользовавшись всюю полнотою собственной свободы*, они могут обрести необходимую им силу для победы над могуществом лжи и мрака, для одоления своих многочисленных и искусных врагов.

«Но это ли мы видим в обществе верующих, в христианской церкви наших дней? – спрашивает Гизо. – Как смотрит она сама на те крупные вопросы, о которых ей приходится препираться с свободным и смелым разумом человека? Вполне ли ясно понимает она сама, вполне ли добрым порядком ведет она ту войну, в которую вовлечена? Точно ли идет она к восстановлению истинного мира и животворного согласия между собою и обществом, в недрах которого она живет?».

Гизо признает эти опасности общими для всей христианской церкви независимо от различия вероисповеданий и приглашает христиан всех исповеданий соединить свои усилия для борьбы. «Когда отвергается высшее (le surnaturel), боговдохновенность Писания и божество Иисуса Христа, – говорит он, – на всех христиан равно падают удары, на католиков, протестантов, греков... Но есть повод бояться, – продолжает он, – что чувство общей опасности не одинаково живо и ясно для всех христианских церквей, что христиане различных исповеданий не в той мере, как бы следовало, сосредоточивают все свои силы на предстоящей им борьбе. Впрочем этому нечего много удивляться. Хотя опасность одинакова для всех, но предания, привычки и вследствие того ныне действующие направления – различны. Многие католики убеждены, что вера была бы спасена, если б они были избавлены от свободы мысли (!!!). Многие протестанты воображают, что они, покидая основания и отдаляясь от источников веры, только пользуются правом свободного рассмотрения и остаются христианами».

ми. Католицизм не имеет достаточно доверия к своим корням и слишком держится за свои ветви. Протестантство забывает слишком часто, что и у него есть корни, от которых оно не может оторваться – не погибнув. *Католики слишком трусят свободы, протестанты слишком трусят авторитета»,* и проч. «Но нет, – говорит дальше Гизо, – так как христианская религия живет ныне в присутствии свободы, то те единственно и могут назваться в наше время действительными, настоящими защитниками религии, которые в одно и то же время исповедуют во всей полноте христианскую веру и столь же искренним сердцем приемлют дар и испытание свободы!..» Было бы, однако, неосновательно обольщаться скорым и легким успехом.

В царстве свободы по необходимости перемешаны зло и добро, истина и ложь; мысли и направления противоположные являются и развиваются внезапно и одновременно... «Не думайте, – сказал Иисус Христос апостолам, – что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч». (Матф. X. 34). Этот меч – есть христианская истина, вечно

борющаяся с несовершенством и заблуждением человеческим... Если же, думает Гизо, христианская современная церковь не поймет своего положения, своего настоящего отношения к свободе политической, умственной, религиозной, – если она сама не поднимет знамя свободы и не откинет орудий внешней силы, – если она не противопоставит свободе, которую завоевала себе ложь, – свободу правды и вообще не перенесет борьбы в область полной свободы, то хотя христианство, конечно, и не погибнет, но страшная смута поразит человеческие души, и над человечеством разразится одна из тех ужасных революционных бурь, которой уроки только тогда послужат ему на пользу, когда наперед переживутся им все бедствия, ею нанесенные!..

Много верных и глубоких мыслей содержит в себе книга Гизо, но нельзя не подивиться, что этот знаменитый и, по-видимому, всесторонний ученый ни слова не говорит о православии, да и вообще, кажется, вся история христианства заключается для него только в пределах Запада, в пределах католицизма (латинства) и протестантства! Их взаимная

борьба и отношения исчерпывают, по-видимому, для Гизо всю историческую жизнь христианства. Только однажды и было приведено им название *греков* (см. выше).

Что же Восток? Если, по свидетельству западного мыслителя, глубокий мрак ложится на Запад, то отчего же взоры его не обращаются на Восток, к православию, отчего не светит ему заря с Востока?! Неужели же Восток и Россия, славянство и православие являются совершенным пробелом в его знании?! Или, быть может, ничего и не ждет он от Востока, который представляется ему погруженным в ночь невежества и рабства, в сон мертвенный и непробудный?..

Проснися, дремлющий Восток, —

сказал тридцать лет тому назад наш поэт... Что же, проснулся ли он? Что же делается на Востоке? Не его ли теперь призывает к жизни история, не его ли исторический черед теперь наступает? Посмотрим же ближе, что делается на Востоке...

Примечания

Оно уже появилось, и большая часть отрывка, помещенного в Rev. des deux m., вошла в него как предисловие.

[^^^]